

Звезды на полосах

— Вы были знакомы с Леосом Караксом до съемок "Полы X"?

— Нет, но я смотрел его фильмы. Мне понравились "Любовники с Нового моста", хотя в этом фильме есть сцены, которые я не принял. Но "Дурную кровь" я принял безоговорочно.

— Когда вы в первый раз встретились с Караксом?

— Года четыре назад. Он искал актера, который смог бы сыграть Пьера, и захотел со мной встретиться. Мы встретились в ресторанчике, неподалеку от его дома и долго разговаривали. Вернее, я говорил, а он слушал. Перед встречей я прочитал роман Мельвилля, по которому он собирался ставить фильм. Я рассказывал, что мне понравилось в этой истории, насколько близко к сердцу я могу ее воспринять. Я говорил о самых интимных вещах — о моей семье, об отношении к любви, страсти, опасности. Об отношении к инцесту. Мне хотелось показать ему, что я могу многое привнести в характер персонажа. Короче, я полдня рассказывал ему о моей жизни. И пока я говорил, совершенно ясно осознал, что обязан сняться в этом фильме. Просто чтобы избавиться от кое-каких вещей в своей душе.

— Вам не было страшно сниматься у Каракса?

— Скорее — любопытно. Я знал, что это человек с удивительным внутренним миром. Такие люди попадают в кино очень редко. Он не пытается понравиться зрителям, он занят своими поисками, своими фантазиями. Я сразу же понял, что эта встреча станет для меня очень важной. Наверное, потому что я раньше не встречался с режиссером, который готов идти до конца.

— До конца чего?

— Не знаю. Но, как ни странно, для меня это не так важно. Важнее всего была его одержимость фильмом. Я знал, что он не отступится от него ни в коем случае. И если ему нужно 25 дублей, значит, он сделает 25 дублей.

— Съемки были трудными?

— Трудными? Эпически трудными! Еще во время подготовки съемок, во время завершения работы над сценарием у нас были кое-какие стычки. Мне не нравилось то, что некоторые описания Леоса были чисто формальными. Я боялся, что на пленке все получится слишком символично. Или карикатурно. Во время съемок мы спорили о том же. Мне казалось, что когда люди спорят до хрипоты, они постепенно расстаются со стереотипами (смех). Поэтому я старался проявлять инакомыслие. Но по большому счету я понимаю, что для такого сложного проекта все прошло даже слишком гладко. Впрочем, для меня любой фильм автоматически становится тяжелым испытанием. Два дня радости за два месяца съемок — вот мой стандартный алгоритм.

— Чем вы это объясняете?

— Для меня съемки — это роды без обезболивания. Во время игры перед камерой из тебя уходит часть души — с болью и кровью. Иногда тебе не хочется, чтобы это выходило наружу, и тогда бывает еще больнее. Можно сколько угодно мечтать, глядя на страницу сценария, рассуждать о сублимации чувств, но рано или поздно наступает момент, когда нужно встать перед камерой, разорвать себя и вывалить перед людьми свои потроха. И сделать так, чтобы они наполнились кровью и жили, пульсировали, трепыхались. Я стараюсь утешать себя мыслями, что актер всего лишь служит истории. Но если это история смерти, или низвержения в ад, или мучительного самопознания, или убийства, или самоубийства, или изнасилования — и ты должен жить с этим изо дня в день... Это очень тяжело. Я не могу играть что-то, если не понимаю этого. А чтобы понять, я должен испытать. Конечно, это не очень интеллектуальный подход, но иначе я не умею. В жизни веду себя точно так же — иду до конца во всем.

— Во время просмотра фильма нельзя избавиться от ощущения, что вы стали таким же alter ego Каракса, каким раньше был Дени Лаван.

— Я старался не думать об этом. Но мне кажется, что Леос искал не двойника, а человека, который был бы способен как можно ближе подойти к его сомнениям и колебаниям. Пьер не Леос — хотя бы потому что в реальности Леос гораздо забавнее и светлее своих фильмов. Я не могу сказать, что мы постоянно хохотали на съемках, но в нем все время ощущалась ирония, бесшабашность с легкой сумасшедшинкой, необычное чувство юмора. Это помогает ему жить и выживать. Единственное, что есть общего между Пьером и Леосом, — любовь к демаршам. И любовь к тайнам. Думаю, во время съемок ему было не менее тяжело, чем мне. Он всегда

Долгие годы Гийом Депардьё жил в тени своего великого отца, Жерара. Сегодня ему грозит опасность оказаться в не менее впечатляющей тени Леоса Каракса. В новом фильме Каракса "Пола X" (он был показан на XXI МКФ в программе «8 1/2») Депардьё-младший сыграл главную роль. Его персонаж — Пьер, писатель-идеалист, который сталкивается с некрасивыми сторонами жизни, когда влюбляется в девушку, оказавшуюся его незаконнорожденной сестрой.

Гийом ДЕПАРДЬЕ: «Хочу вдохновлять!»

берется за самое трудное и охотно изводит себя. Он скорее будет искать смысл вопроса, чем ответ на этот вопрос. Впрочем, сомневаюсь, что его вопросы вообще имеют ответы.

— А есть ли что-нибудь общее между Пьером и вами?

— Наверное, мы оба любим становиться жертвами самих себя — сознательно и преднамеренно. Еще — постоянное чувство внутреннего предательства, самозванства. Мы оба стремимся к абсолюту — хотя в случае с Пьером это происходит вслепую, на ощупь, и в результате он приговаривает себя к тотальному одиночеству. Я бы не смог так жить. Я бы умер. Я могу только колебаться между фрондерством и мизантропией, поскольку нуждаюсь в постоянной любви близких мне людей (смех).

— Вы говорили, что собираетесь бросить кино...

— Я этого не говорил! Это придумали газетки! В свое время я сказал, что мне тяжело

дается работа в кино — но, согласитесь, это не одно и то же.

— Вы пережили тяжелый период в личной жизни.

— Да, и это тоже — но все-таки дело было в другом. Даже не знаю, как объяснить. Во время съемок "Полы X" у меня было чувство, словно я нахожусь в запертой пустой комнате и обязан быть готов ко всему в любую минуту своего существования. И при этом я не могу покинуть эту комнату даже на минуту. Ужасное, изматывающее, безумное чувство. В театре, по крайней мере, ты знаешь, что играешь вечером во столько-то, и даже если ты думаешь об этом весь день, это не одно и то же. К моменту выхода на сцену ты можешь сосредоточиться, тебя наполняют нужные чувства, ты кормишь ими свой персонаж. А тут во мне не осталось доверия ни к кому на свете — даже к себе самому. Мне казалось, что я больше не способен играть, что во мне все умерло, что я выйду к камере, распахну

себя, а внутри — высохший скелет.

— Откуда в вас столько мазохизма?

— О, я с детства был таким. Я все время ловил взгляды других людей и читал в них приговор: нет, этому парню далеко до отца. Конечно, я сам это воображал. Я любил обращать на себя внимание. Я слишком часто злоупотреблял благосклонностью судьбы. В конце концов даже мои мотоциклетные аварии всем приелись. Семнадцать аварий. В последний раз об этом даже не стали писать.

— Недавно вы сказали, что покончили с бурным прошлым.

— Да, сегодня все кончено. Я решил, что больше не буду совершать импульсивных поступков. Конечно, иногда я срываюсь, но постепенно учусь жить как все. Должен вам сказать, что во время одной из аварий я научился смотреть на существование с женской точки зрения.

— То есть?

— Я имею в виду уважение к жизни. Конечно, все мы понимаем абсурдность нашего существования, знаем, что обязательно умрем, но в то же время — "наперекор всему", как говорит моя мать, — жизнь имеет для нас феноменальное значение. Долгие годы от меня ускользал этот факт, и только моя мать помогла мне это осознать. Сейчас я понимаю, что отправиться кататься на мотоцикле после нескольких бутылок — преступление. Особенно после того, как ты занимался любовью с девушкой, которая тебя любит. Это безумие, и я больше никогда так не поступлю. Когда отец попал в аварию, я вспомнил, что поступал точно так же с людьми, которых я люблю, и мне захотелось плакать.

— Из-за чего вы больше всего страдаете?

— Наверное, от фрустрации. От невозможности совместить свои возможности со своими амбициями. Я чувствую себя бессильным, даже когда смотрю новости и вижу бомбы и смерти. И я ничего не могу сделать. Ничего.

— А каковы ваши творческие амбиции в 28 лет?

— Самая большая — вдохновлять. Вдохновлять режиссеров, которые благодаря мне обретали бы новые миры, сублимировали во мне самые тонкие чувства, переживали великие озарения. Ну как, не слишком нахально? (смех). Но это не значит, что я собираюсь пассивно сидеть и выжидать, пока ко мне соизволит обратиться постановщик. Мне хочется заниматься музыкой, театром, кинорежиссурой.

— У вас есть какие-нибудь конкретные проекты?

— Пока только идея — поставить в кино пьесу Гарольда Пинтера, в которой я играл в театре. Лежа в больнице после аварии, я успел поработать над сценарием. Это пьеса об отсутствии женщины и катастрофических последствиях этого отсутствия для мужчин. Это страшно — отсутствие жены, матери, любовницы, сестры, приятельницы, шлюхи. Мне очень нравится настроение этой пьесы.

— Как складываются сегодня ваши отношения с матерью и сестрой?

— Нормально. Мы можем общаться, разговаривать — несмотря на постоянные вспышки темпераментов. У нас вообще очень темпераментная семья. Я написал сценарий фильма для себя с Жюли. Скоро мы будем играть вместе в телефильме, который поставит Жозе Дайан. Я заранее предвкушаю кучу удовольствия, но мне хотелось бы играть с Жюли в фильме, который я поставлю сам.

— Вы смотрели фильм "Мост между двумя реками", который поставил ваш отец?

— Времени не было. Меня не удивляет то, что он решил заняться режиссурой, хотя мне кажется, что в данном случае это было не совсем его решение [главную женскую роль в "Мосте..." исполнила нынешняя подруга жизни Жерара Депардьё Кароль Буке, которая много раз публично признавалась, что в восторге от романа "Мост между двумя реками". — "ЭС"]. У меня сохранились хорошие воспоминания о папиной версии "Тартюфа". Он говорил, что работа постановщика очень тяжелая и требует умения внимательно слушать. В жизни он с трудом слушает других, но на съемочной площадке у него неплохо получается.

— Что вы думаете о холодном приеме "Полы X" в Каннах?

— Я не удивился. И даже не особенно расстроился, потому что знаю, что фильм найдет свою публику. Все мы вложили в него так много сил, энергии, времени, боли. Конечно, хотелось бы, чтобы мнения критиков были более объективными, но в Каннах специфическая публика и специфическая атмосфера. В любом случае я рад, что это осталось в прошлом и мне больше не нужно отвечать на вопросы о съемках эротических сцен.

Мишель БАЙЕН
Париж